Глава 35

Эти двое были в тайне расстроены.

Мо Жан сказал:

– Хотя Хэ Ся обещал ничего не предпринимать до шестого, мы не должны недооценивать его. Мне бы лучше сделать еще несколько изменений в плане защиты резиденции.

Цзуй Цзюй кивнула и смотрела, как Мо Жан разворачивается, чтобы уйти. Она подумала о чем-то и тихо произнесла:

– Ах, – но не стала окликать Мо Жана, позволив тому уйти.

Вернувшись в комнату, она увидела, что Хун Цянь сидит на стуле и дремлет. Ее мысли были самыми поверхностными, и в последнее время она подверглась сильному шоку. Видя, что Пин Тин и Мо Жан благополучно вернулись, она поняла, что опасность миновала, и, наконец, уснула. Услышав шорох занавеса на двери, она медленно открыла глаза и поняла, что Цзуй Цзюй вернулась. Она поднесла кончик пальца ко рту.

– Тшш… – Она указала на внутреннюю комнату, закрыла глаза, приложила обе руки к щеке и наклонила голову, имитируя спящую позу.

Цзуй Цзюй посмотрела на нее с пониманием и тихо пробралась в комнату, молча осмотревшись.

Пин Тин лежала на кровати, ее длинные волосы рассыпались по подушке. Одна прядь мягко свисала с кровати. Ее глаза были закрыты, и она, казалось, спала.

Её накрывало толстое одеяло, но окно все еще было открыто, позволяя холодному ветру проникать внутрь.

Цзуй Цзюй прошептала:

– Эту вредную привычку следует исправить. – Она тихо на цыпочках подошла к кровати, осторожно протянув руку. Она еще не дотронулась до окна, когда услышала тихий голос, идущий снизу.

– Не закрывай его. Дуновение ветра освежает мой разум.

Цзуй Цзюй опустила голову, взглянуть, и увидела, что Пин Тин уже открыла глаза. Как их можно было посчитать сонными, когда они такие яркие?

– Лучше закрыть его, потому что будет совсем не смешно, если вы простудитесь. – Цзуй Цзюй упрямо закрыла окно и повернулась, чтобы сесть у кровати. Она потянулась к одеялам и, найдя тонкое запястье Пин Тин, прижала к нему два пальца, чтобы проверить ее пульс. Некоторое время она спокойно слушала, а потом тихо рассмеялась:

– Все хорошо.

Она вернула руку на прежнее место, прежде чем понизить голос.

– Я уже слышала обо всем от Мо Жана. Но если честно не знаю, что сказать.

Пин Тин мягко улыбнулась и задала встречный вопрос:

– Не говори, что ты тоже беспокоишься, что герцог не вернется?

Цзуй Цзюй посмотрела Пин Тин в глаза.

Она сопровождала своего учителя, спасая жизни, и была знакома с дворянами и чиновниками. Она была более или менее дружна со всеми дамами больших семей в Дун Линя, возможно, даже наложницами императорского дворца, но она никогда не встречала такого человека, как Бай Пин Тин.

Она была до самых костей пропитана интеллектом, радостью и отчужденностью. Как дом Цзин-Аня мог создать такого небрежно изящного Хэ Ся из мечей и песен, присматривающего за таким человеком, как Бай Пин Тин?

Пин Тин заметив, что Цзуй Цзюй молчала, осторожно посмотрела на нее.

Две пары ярких глаз в тишине смотрели друг на друга, будто пытаясь оценить намерения другого.

Вошедшая Хун Цянь увидела двух человек, тупо уставившихся друг на друга. Она удивлённо спросила:

– Значит, мисс Бай не спала? Я ограничила свои движения самым минимумом, чтобы не разбудить вас. А вы с чего-то пялитесь друг на друга? Цветы из-за этого не расцветут.

Цзуй Цзюй отвела взгляд и повернулась, чтобы посмотреть на Хун Цянь. Она наполовину

рассмеялась, наполовину нахмурилась:

– Ты такая шумная, мешаешь людям, когда они погрузились в размышления.

Пин Тин тоже посмотрела на нее, спрашивая:

– Зачем ты пришла?

– Посмотрите на время, – Хун Цянь указала наружу.– Видя, что мисс спит, я не осмелилась спросить раньше, но разве вы не голодны?

Цзуй Цзюй подняла голову, чтобы посмотреть во двор.

– И, правда, неудивительно, что я чувствую голод. Благодаря всем этим сегодняшним треволнениям я совершенно забыла о еде.

– Еда уже приготовлена, пойду, принесу ее. – Хун Цянь вышла наружу.

Хотя тетушка с кухни была весь день в расстроенных чувствах, ее мастерство все еще было превосходно.

Коробка с едой в несколько слоев была принесена. Как обычно, было два мясных блюда, два овощных и несколько закусок.

Аппетит Пин Тин никогда не был особо хорошим. А поскольку она была не в настроении сегодня, ее аппетит был даже меньше, чем обычно. Она брала маленькие кусочки палочками и роняла их.

Цзуй Цзюй заметив, что та положила палочки для еды, поспешно сказала:

– По крайней мере, выпейте тарелку супа и закончите миску риса.

Она быстро положила несколько кусочков мяса в миску Пин Тин, наградив ту многозначительным взглядом.

У Пин Тин совершенно не было аппетита, но, увидев злой взгляд Цзуй Цзюй, она дотронулась до нижней части живота, прежде чем молчком съесть еду в миске.

Только тогда Цзуй Цзюй удовлетворенно улыбнулась.

После обеда Цзуй Цзюй и Хун Цянь быстро и методично упаковали коробку для еды, загрузив в нее тарелки.

Затем Цзуй Цзюй сказала:

– Я отнесу. – Она оставила Хун Цянь, составить компанию Пин Тин, и понесла тяжелую коробку с едой через двор, когда увидела приближающуюся к ней тетушку с кухни.

– Мисс Цзуй Цзюй, холодно. Вам не нужно лично относить ее. Я могу сделать это сама. – Тетушка остановилась, увидев Цзуй Цзюй.

Цзуй Цзюй передала ей коробку для еды и достала что-то из своего рукава.

– Ерунда, я все еще должна была дать вам меню на завтра. Готовьте по этому рецепту и добавляйте прочие ингредиенты для вкуса. Используйте лучшие ингредиенты и не забудьте следить за нужными дозами.

Все люди в резиденции герцога Чжэнь-Бэй повиновались ее словам. Тетушка посмотрела на рецепт при свете луны и сказала:

– Такие четкие инструкции. Хорошая работа, мисс Цзуй Цзюй. Вы весьма дотошны, даже в составлении диеты. Неудивительно, что лицо мисс Бай выглядит намного здоровее, чем раньше. Однако… – Тон тетушки изменился, а выражение лица стало серьезным: – Акутилоба (1) по этому рецепту использовалась мисс Бай уже несколько дней, поэтому сейчас на кухне она закончилась. На кухне никогда не было лепестков пиона, но есть немного старой астры.

Цзуй Цзюй ответила:

– Этого нельзя откладывать. Даже если бы я объяснила, вы все равно не поняли бы. Просто быстрее соберите ингредиенты или купите по моему рецепту.

– Господи, мисс, должно быть, вы не в себе. Кто сейчас может покинуть резиденцию? Безопасность у ворот выше, чем при входе в столицу.

Только тогда Цзуй Цзюй вспомнила, что они в окружении. Она хлопнула себя ладонью по лбу:

– Я должно быть на самом деле, не в себе. К слову, достаточно ли у кухни продуктов до шестого числа?

– Запасенного риса хватит на год. Маловероятно, что кто-то умрет с голоду, но овощей не хватит. Несмотря на то, что позади дома есть небольшой огородик и домашняя птица, мисс, приходится думать о том, сколько людей в этой резиденции. Забудьте о женщинах, они едят

совсем немного, но что насчет этих крепких охранников, смогут ли они держаться подальше от огромной миски мяса и риса? Я считаю, что мяса и овощей хватит только на один день.

Тетушка огляделась и, подойдя ближе, понизила голос:

– Свинина отправляется сюда каждые три дня, и мы уже закончили все, что было за последние два дня, поэтому завтра свинины уже не будет. У нас также нет свежей рыбы, так что придется готовить курицу и утку. Генерал Чу сказал, что это не имеет значения, и приказал не сообщать мисс Бай. Я рассказала вам, но, пожалуйста, не говорите ей.

Цзуй Цзюй кивнула.

– Я пойду с вами на кухню, чтобы посмотреть, что еще осталось. Осмотревшись, я напишу еще один рецепт, основываясь на том что есть в наличии. Тетушка, убедитесь, что следуете ему. Независимо от того, сколько солдат кружит по двору, меня волнует только то, чтобы самая лучшая еда была доставлена мисс Бай.

– Конечно. Пока на кухне есть эти продукты в кладовой, каждый из них будет использован без ошибок, точно по вашему рецепту.

Два человека медленно шли по снегу. Луна вышла из облаков, но она была не такой яркой, как в предыдущие дни. Ее желтый свет был чуть мутным. Их ноги брели сквозь местами более тонкий слой снега. Снег скрипел и хрустел, разбиваясь на куски под их шагами.

Когда они прибыли на кухню, то заметили неожиданное движение.

– Что такое?

Цзуй Цзюй испуганно вскрикнула, увидев мерцающий красный свет у ворот резиденции. Казалось, в нем соединилось пламя нескольких горящих факелов.

Издали послышался звук открытия тяжелой двери. Хотя он был тихим, это навеяло опасную атмосферу.

Тетушка посмотрела на пламя на небе и ее губы задрожали.

– О Боже, не говорите мне, что нападавшие уже внутри?

Цзуй Цзюй молчала, но набралась смелости покинуть кухню. Она пошла по боковой дорожке, чтобы добраться до входа в резиденцию. Она осторожно подошла к нему, прячась за стенами. Цзуй Цзюй увидела человека, держащего факел у входа. Она подозревала, что это время ночи, этим человеком был одним из людей Хэ Ся.

Вскоре дверь медленно закрылась, заслонив пламя снаружи, оставляя лишь тусклый свет внутри резиденции.

Цзуй Цзюй увидела, как Мо Жан с двумя другими охранниками толкают тяжело груженую тележку, проходя мимо стены, за которой она стояла.

– Кто здесь? – Внезапно спросил Мо Жан. Мечи двух других охранников были тот час же обнажены.

– Это я.

Мо Жан вздохнул с облегчением и немного пожурил.

– Почему ты сейчас не сопровождаешь Мисс Бай? Разве здесь уже не хватает хаоса?

Двое охранников удостоверились, что это была Цзуй Цзюй, прежде чем вложить оружие в ножны.

– Я собиралась пойти на кухню, но пришла сюда, когда услышала движение. Чем занимаются эти люди?

– Отправкой вещей.

– Отправкой вещей?

– Свежего мясо, рыбы и всяческих фруктов. Я уже проверил, в тележке никто не прячется, и нет оружия. – Мо Жан горько рассмеялся и указал на полную до краев тележку.– Ты пришла в нужное время. Забери все на кухню, и используй иглу для проверки, нет ли там чего-нибудь странного.

Цзуй Цзюй посмотрела на полную тележку, не сдержав вздоха.

– Зная Хэ Ся, он никоим образом не использовал бы такую тактику, но я внимательно все осмотрю.

Двое охранников помогли Цзуй Цзюй отвезти тележку на кухню и все разгрузить. Помимо свинины, говядины, свежей рыбы и овощей, был целый ряд других редких вещей.

Было несколько банок особых блюд Гуй Лэ, сушеная с приправами редкая рыба, деликатесы Бэй Мо, годящиеся и для императрицы, а также тарелка с хрустящими и мягкими десертами.

Остальные тетушки с кухни стояли в стороне, наблюдая, как Цзуй Цзюй осматривает блюда с иглой. Они не могли не похвалить, когда увидели, что каждое из них было сделано изящно, самыми лучшими, самыми талантливыми поварами.

– Только их внешний вид соответствует слухам, что десерты Гуй Лэ превосходны.

Кроме того, там была также золоченая коробочка с несколькими слоями шелка. Она была размещена в самой середине тележки. Цзуй Цзюй развернула один слой за другим и поняла, что содержимое не было едой, а разными мелочами, используемыми женщинами.

В ней была баночка-раскладушка с кремом для рук самого высокого качества, а также маленькое зеркальце с ручкой сбоку и гребень.

А дно коробки было выслано десятком маленьких разноцветных камешков. Цзуй Цзюй посмотрела на три предмета, лежавших внутри, ее взгляд не двигался. Она вздохнула с похвалой и завистью.

К тому времени, как она все осмотрела, небо уже прояснилось. Спина Цзуй Цзюй болела от усталости. Она сказала кухонной прислуге:

– Все в порядке, ешьте сколько хотите. Хэ Ся действительно заботливый мужчина, он даже приготовил акутилобу, питающую тело женщин. Забудьте об изменении рецепта, просто используйте тот, что я дала вчера вечером.

– Но у нас все еще нет лепестков пиона.

– Все в порядке, просто не добавляйте их. Они не имеют большого значения для рецепта. Акутилоба – самое важное. – Ответила Цзуй Цзюй, устало массируя плечи. Затем она направилась к небольшому зданию с позолоченной коробкой в руках.

Хун Цянь уже встала и, потягивалась, стоя на снегу. Увидев Цзуй Цзюй, она спросила:

– Я совсем не видела тебя вчера вечером. Перед тем, как мисс отправилась спать, она попросила меня спросить, что задержало тебя на кухне.

– Где она?

– Все еще спит. – Хун Цянь поманила ее к двери, подняв подбородок.– Я прошлой ночью спала в той же комнате, что и она. Она все время ворочалась, не в силах заснуть. Ах, я слышала, как охранники говорили, что мы все еще окружены солдатами? Разве они не отступили, когда мисс Бай и генерал Чу вчера вернулись? И что это за обещание шестого числа? Что нам делать, если герцог не вернется к шестому?

Цзуй Цзюй понизила голос:

– Даже если ты хочешь все контролировать, ты не сможешь, поэтому лучше не спрашивай.

Хун Цянь думала, что охранник, с которым она всегда шутила, просто пытался напугать ее. После сказанного ее лицо побледнело, понимая текущую опасность.

Цзуй Цзюй знала, что нынешняя ситуация была даже хуже, чем представляла себе Хун Цянь, но отказалась говорить больше. Она похлопала ту по плечу и поднялась по ступенькам, войдя в комнату Пин Тин.

Пин Тин давно проснулась и отбросила одеяла в сторону. Сиреневое пальто свисало с ее плеч, когда она лениво уселась на колени на кровати. Она наклонила голову на бок, приглаживая рукой волосы. Увидев, входящую Цзуй Цзюй с позолоченной коробкой в руках, она посмотрела на нее и спросила:

– Что это?

Цзуй Цзюй знала, что она чувствовала себя беспокойно и хотела поддразнить ее. Она положила позолоченную коробку в изголовье кровати, лукаво улыбаясь:

– Угадай. Если вы угадаете правильно, то заработаете мое восхищение.

Пин Тин посмотрела на коробку, ее легкий взгляд двинулся в сторону.

– Снова что-то раздражающее...

Она вздохнула и, не заморачиваясь с Цзуй Цзюй, сама открыла ее.

Она мельком взглянула на три предмета в позолоченной коробке и взяла расческу. Она рассмотрела ее и прочее, медленно вытащив все:

– Раньше я часто пользовалось этим в резиденции дома Цзин-Ань.

Она положила гребень и не коснулась двух других предметов. Потом схватила горсть камешков и тщательно сосчитала их, прежде чем положить обратно. Пин Тин горько рассмеялась:

– Я использовала пятнадцать лет дружбы, чтобы торговаться с ним, а он использовал пятнадцать лет дружбы, чтобы поймать меня в ловушку. – Она захлопнула коробку и соскользнула с кровати.

После умывания горячей водой, Цзуй Цзюй подошла к ней, чтобы причесать ее. Цзуй Цзюй взяв шелковистые черные пряди, скрутила их в пионовую булочку. Она заметила, что на отраженном в зеркале лице не было ни счастья, ни волнений. Она понятия не имела, о чем думала Пин Тин, так как поверхность зеркала была слегка мутноватой.

– Мисс! Почему вы ничего не говорите?

Пин Тин долго молчала, прежде чем сказать:

– Я очень устала.

Цзуй Цзюй ответила:

– Поскольку вы так устали, вам следует поспать, потому что в любом случае ничего не происходит. Я пойду на кухню, чтобы приготовить кашу из красной фасоли и тушить ее. Так, ее можно будет подать сразу после вашего пробуждения.

Пин Тин покачала головой.

Когда Цзуй Цзюй только положила расческу, Пин Тин посмотрев в бронзовое зеркало, встала, подняла занавеску, чтобы выйти наружу. Цзуй Цзюй поспешно последовала за ней во двор. Пин Тин вошла в боковую комнату и взяла горшок с бутонами цветов сливы.

– Позвольте мне нести его.

Пин Тин повернулась, чтобы Цзуй Цзюй обхватила его руками, но затем покачала головой. Она понесла горшок вниз по ступенькам и направилась к углу двора, где Хун Цянь сметала снег накануне. Хотя снега было немного, с прошлой ночи образовался тонкий слой инея.

Пин Тин поставила горшок, взяла метлу и подмела землю, прежде чем взяться за лопату.

Цзуй Цзюй не сказала ни слова. Она если честно немного испугалась. Она беспомощно встала сбоку, сказав:

– Будьте осторожны, не перетрудите спину.

Пин Тин не спешила. Пользуясь лопатой, она начала понемногу копать. Самый верхний слой почвы был самым твердым, но после него земля постепенно становилась все мягче, и ее стало легче копать.

Несколько мгновений спустя начала формироваться маленькая ямка. На лбу Пин Тин

образовались мелкие капельки пота. Ее щеки стали на несколько оттенков краснее, чем раньше.

Она все еще не спешила. Пин Тин положила лопату, некоторое время отдыхая, чтобы успокоить дыхание. Затем она подняла стоящий рядом горшок и аккуратно опустила его в ямку. Она двигала его влево и вправо до тех пор, пока не была удовлетворена. Пин Тин не думала, что это грязно, поэтому закопала горшок собственными двумя руками.

После этого последнего усилия Пин Тин глубоко вздохнула и, подняв голову, улыбнулась Цзуй Цзюй, все еще стоявшей сбоку.

– Все, что осталось, это запалить сверху костерок.

Ее черные глаза прояснились, улыбка в ее глазах поднялась, с легким всплеском, как волна.

Цзуй Цзюй не совсем поняла, почему ее сердце на мгновение остановилось. Покалывающее ощущение осталось у нее в носу, словно она собиралась заплакать. Она поспешно вытерла глаза, приклеив на лицо веселое выражение:

– Будьте уверены, я принесу дрова.

Она нашла дрова на кухне. Но миссия была перехвачена Хун Цянь, которая затем отнесла их на новое место «захоронения». Она подожгла кучу. Вскоре сухие дрова начали потрескивать. Их огненно-красное свечение мерцало на снегу, окрашивая щеки трех человек в приятный и теплый цвет.

Пин Тин сильно вспотела, но казалось, что ей стало намного лучше. Она посмотрела на пламя и неожиданно сказала:

– Никогда не стойте просто так возле костра. Попросите на кухне немного мяса и соли. Давайте съедим немного жареного мяса.

Хотя Хун Цянь волновалась из-за окружающих войск, она понимала, что удовольствие может существовать и при боли. Она ответила:

– Я все принесу.

Вскоре она вернулась, хрустя снегом при каждом шаге и неся в руках тяжелую корзину.

– Свиное филе, куриные крылышки, очищенные утиные ножки и две рыбы с удаленными кишками и головой. Я не знала, что мисс хотела бы поджарить, поэтому просто попросила тетушек на кухне все приготовить. Хун Цянь опустила корзину на пол, разложила на снегу

синее одеяло и вынула содержимое по одному.

– У меня также есть соль и разные приправы. Тетушки сказали, что есть только жаркое было бы слишком сухо, и они скоро принесут готовый суп.

Пин Тин хлопнула в ладоши:

– Молодец, Хун Цянь, очень умно. Если бы я была генералом, я, несмотря ни на что, назначила бы тебя, по крайней мере, резервным советником.

Она села на каменную скамью с дополнительной толстой шалью на плечах. Цзуй Цзюй боялась, что той холодно, и вернулась в комнату, чтобы забрать ее.

При виде улыбки Пин Тин, на сердце Хун Цянь стало намного легче. Она рассмеялась:

– Это не так. Тетушки сказали не держать мясо руками во время жарки, а вместо этого использовать что-то в качестве вертела, поэтому у меня здесь есть несколько тонких железных шампуров.

Она опустила голову и достала из корзины несколько тонких железных стержней. Они были должным образом вымыты, в то время как сопровождающая их металлическая решетка была новой.

Когда все приготовления были завершены, трое людей уселись у костра, готовые насладиться этим зимним барбекю.

Они взяли тонкие шампуры и насадили на них кусочки мяса или рыбы, прежде чем устроить их над огнем. Красное пламя мягко обжаривало их. Результаты были свежими и интригующими. Чем больше они этим занимались, тем веселее и интереснее это казалось.

– У моего отца была охотничья печь. Когда я сопровождала его на охоте, я играла с ней несколько раз. – У Хун Цянь было много опыта, когда она поворачивала шампур в руке. Она вздохнула:

– После вхождения в резиденцию герцога Чжэнь-Бэй такого больше не было.

– Как ты попала в резиденцию герцога? Герцог купил тебя?

Хун Цянь поспешно покачала головой.

– Резиденции герцога Чжэнь-Бэя нет необходимости покупать людей. Люди сделают все,

чтобы их приняли. Здесь хватает еды и питья, практически не бьют, а мастер – наш герцог. Когда мой отец охотился на кого-нибудь, я была наполовину сыта, но когда он этого не делал, я оставалась голодной. Это была тяжелая жизнь, но, к счастью, мне повезло попасть сюда. Иногда я приносила что-то своему отцу.

Это было впервые, когда Цзуй Цзюй услышала такое от Хун Цянь. Она без колебаний спросила:

– Ты не скучаешь по отцу после отъезда в такое отдаленное место?

– Откуда мне знать? Мой отец, к сожалению, не был благословлен. Он умер всего через три года после моего входа в резиденцию герцога. Герцог обратил внимание на семейные связи, когда покинул столицу. Он знал, что мне некуда идти, поэтому взял меня с собой.

И тут Цзуй Цзюй поняла, почему число молодых горничных в резиденции было столь мало, хотя старших тетушек было в достатке. Все они были пожилыми, и им некуда было возвращаться.

Она жарила утиную ножку. Мясо было плотным, поэтому ей пришлось терпеливо ждать, пока оно полностью не приготовится. Ее взгляд остановился на Пин Тин, и она ахнула:

– Этот огненно-красный резок для глаз. Жареная еда повысит вашу температуру. Это плохо для вашего тела.

Рыба в руках Пин Тин оказалась уже приготовленной. Несмотря на то, что она впервые сделала это лично, а ее мысли были далеко, она все еще прожарилась до золотистой корочки. Услышав слова Цзуй Цзюй, она осторожно сняла рыбу с шампура и положила на тарелку, вручив ее им:

– Раз так, тогда я не буду ее. Вы вдвоем можете съесть ее.

Хун Цянь с завистью уставилась на рыбу. Она громко захлопала в ладоши и вручила свой шампур Цзуй Цзюй:

– Подержи его за меня.

Затем она взяла блюдо, наполненное вкусной жареной рыбой.

Цзуй Цзюй поняв, что та думает, что лучше всего для ее будущего ребенка, восхищенно улыбнулась в ответ и сказала несколько слов утешения:

– Даже если вы сказали, что не будет это, есть и другие вкусные блюда. Я попросила тетушек приготовить тушеные свиные ножки с акутилобой и красными финиками.

Только она сказала это, во двор уже вошла тетушка с коробкой еды. Увидев, что все весело проводят время, она улыбнулась:

– Будьте осторожны с руками. Если проткнуть шампуром ухватку, от кончика шампура будет очень больно. Я раньше несколько раз испытала это на кухне.

Она открыла коробку с едой на синем одеяле и подала тарелку каждому из трех человек. Пин Тин действительно были поданы тушеные свиные ножки с акутилобой и красными финиками.

Пин Тин взяла ложку. Она наблюдала за тем, как два человека жарят свою еду, постепенно поедая содержимое своей миски. Она улыбнулась.

Все продолжалось почти час. И еда была съедена, а костер на последнем издыхании. Трое встали и залили все водой, чтобы погасить угли.

– Должны ли мы вынуть горшок? – Спросила Хун Цянь.

– Незачем. Лучше, чтобы он впитал запах земли, поэтому подождем, пока герцог не вернется, прежде чем выкапывать его.

Вот так и прошла первая половина дня. Следующая половина длилась намного медленнее. Цзуй Цзюй и Хун Цянь сплетничали в комнате, а Пин Тин пошла вздремнуть. Она проспала почти три часа. К тому времени, когда она проснулась, уже стемнело.

Она с трудом встала и открыла окно. Вечерний ветер был не сильным, но слой облаков был слишком толстым. Она совершенно не могла видеть луну.

– Цзуй Цзюй? Цзуй Цзюй? Цзуй Цзюй? – С тревогой позвала она.

Цзуй Цзюй вошла внутрь, спросив:

– Вы не спите?

– Который сейчас час? Луна прошла половину? Уже шестое?

Цзуй Цзюй замерла на мгновение. Она медленно подошла и села на кровать.

– Мисс Бай, небо недавно стало темным. Все еще пятое, – ответила она.

Услышав ее слова, беспокойство из-за цвета неба исчезло. Она слабо ответила:

– О, – прежде чем ее тело расслабилось, и она рухнула на кровать.

Затем Цзуй Цзюй спросила:

– Кухня доставила ужин, но я редко видела, чтобы вы так крепко спали, поэтому я сказал Хун Цянь не беспокоить вас. Сейчас ужин греется на плите в боковой комнате. Теперь, когда вы не спите, может немного поедите.

Пин Тин, казалось, думала о чем-то. Сначала она покачала головой при словах Цзуй Цзюй, но затем подумала и вместо этого кивнула.

– Принеси его, я немного поем.

Хун Цянь подала горячую еду.

Пин Тин удалось закончить половину чашки, прежде чем она нахмурилась:

– Я больше просто не могу сесть. – Она положила палочки для еды.

Цзуй Цзюй поняв, что Пин Тин действительно не может больше есть, и, исходя из ее выражения, догадалась, что ее решение неизменно. Она смягчила голос:

– Все в порядке.

Хун Цянь убрала посуду и вышла из комнаты с Цзуй Цзюй. Она остановилась за дверью и спросила:

– Она была очень счастлива этим утром. Почему она все забыла после сна и стала такой? Кажется, что сильный интеллект ничего не стоит. У тех, у кого он имеется очень странные эмоции.

Цзуй Цзюй поспешно заставила ее замолчать, понизив голос, она ответила:

– Знаешь что? Если бы ты была ею, то давно бы сошла с ума.

Хун Цянь высунула язык и вошла в боковую комнату.

Цзуй Цзюй в одиночестве стояла за дверью и смотрела на пятно бледного снега во дворе. Холодный порыв ветра, словно, погладил ее шею. Как сказала бы Пин Тин, он был весьма освежающим.

Пин Тин была не единственной в расстроенных чувствах. На ее сердце, словно, кошки скреблись.

Она знала, что худшее – это опасный путь, ведущий к пропасти, похожей на бездну.

Война между четырьмя странами была ожесточенной. Раньше армия Дун Линя атаковала Гуй Лэ и Бэй Мо, но теперь союз армий Юнь Чана и Бэй Мо, напал на Дун Линь.

Бесконечно влекущий за собой гибель людей.

Все понимали, что означает опасность, даже самые глупые из знати.

Ее учитель, Хо Юй Нань, родился аристократом. Он знал высший класс Дун Линя и хорошо понимал их реакцию.

Кто может гарантировать, что их страна не рухнет под мощью вражеской страны? Кто сможет перенести возможную кончину их дома?

Страна была домом, но только со страной можно иметь этот дом.

Кому бы это не понравилось?

Цзуй Цзюй глубоко вздохнула, ее грудь так сдавило, что стало больно. Она стиснула зубы и решительно расстегнула плащ, позволяя холодному ветру скользнуть внутрь, пока лава бурлящая внутри не замерзла. Она вздрогнула три-четыре раза, перед тем как застегнуть одежду, и отнести горячий чай из боковой комнаты, Пин Тин, он всегда помогал той заснуть.

Той ночью она спала на соседней кровати в комнате Пин Тин.

Вдруг посреди ночи она услышала голос. Цзуй Цзюй встала и протерла глаза, увидев, что Пин Тин проснулась и сидит на кровати.

– Почему вы снова проснулись, мисс Бай? – Цзуй Цзюй встала с кровати и шагнула вперед, пока не оказалась рядом с ней. Ее голос смягчился, когда она задавала вопрос.

Пин Тин молча смотрела на небо за окном. Ее взгляд оставался неподвижным, когда она ответила:

– Луна вышла.

Цзуй Цзюй проследила за ее взглядом и посмотрела на небо. Луна действительно вышла из

облаков некоторое время назад, но она была тусклой, безрадостно-мрачной.

Внимательно изучив позицию, она поняла, что та прошла половину неба.

Луна прошла половину неба.

Шестое число наступило…

Сердце Цзуй Цзюй забилось, но ее слова остались теплыми.

– Еще есть один день, и герцог уже должен спешить обратно.

Голос Пин Тин походил на спокойные волны.

– Должно быть, он на лошади, и очень, очень устал. Его горло должно быть сухим и хрипеть, он полностью покрыт пылью, за исключением плеч, где скопился снег.

Цзуй Цзюй могла только думать, что ее голос дрейфовал от края земли. Он был похож на неторопливое пощипывание струн циня, чей трепет, манил цветы и деревья. Она опустила голову, чтобы посмотреть на выражение ее лица, но не могла найти ни единой подсказки.

Затем она завернула Пин Тин в одеяла, составляя ей компанию, сидя у изголовья кровати. Прошло больше часа, прежде чем Цзуй Цзюй мягко окликнула:

– Идите спать.

Пин Тин послушно легла на кровать и закрыла глаза. Цзуй Цзюй вздохнула с облегчением и встала с кровати, чтобы вернуться к своей собственной. Краем глаза она увидела мерцающие глаза Пин Тин.

– Что?

Пин Тин посмотрела на Цзуй Цзюй, печально рассмеявшись.

– Ничего. – Затем она послушно закрыла глаза.

В ту ночь в резиденции Хуа Чу Бэй Цзе подумал, что она была немой служанкой леди Хуа, и сказал: «Спи», когда увидел, что она больна.

Тот человек, делал что хотел, нисколько не заботясь о принятых социальных условностях. Он

плохо знал ее, но, все же взяв на руки, отнес в комнату, усадив на кровать, прежде чем неуклюже накрыть одеялами.

Его жесткое «Спи» было похоже на приказ, которые он отдавал своим солдатам, но теперь чем-то незабываемым, о чем она могла вспоминать.

Он вернется, он обязательно вернется.

Ее тонкие ладони сжались в кулаки под одеялами.

Если столь глубокая любовь не может выдержать такого испытания и просто раствориться как в проточной воде, какой смысл в двух мечах, Забирающем душу и Божественной душе?

Луна прошла половину неба.

Шестое наступило.

Чу Бэй Цзе бешено скакал вперед.

Утренний северный ветер свистел в его ушах.

В своей жизни он множество раз скакал так дико, позволяя четырем копытам своего коня парить над землей. Он отдался скачке, его плащ развевался на ветру. Даже горы не смогли бы остановить его приближающуюся фигуру.

Скачка по равнинам была героическим удовольствием.

Но сейчас он не мог ощутить ни капли удовольствия.

Резкий ветер дул ему навстречу. Это было больно, словно раны от меча на его лице. Ветер не только резал его лицо, но и разрывал его сердце.

Его сердце словно поджаривали на огне, висевшем в воздухе.

Уединенная резиденция была местом, недоступным его взору.

И все же слабый аромат цветов сливы хранился в его сердце.

Чу Бэй Цзе в глубине понимал намерения императора. По тому, как его брат делал все возможное, чтобы продлить его пребывание в столице, он знал, что неодолимая сила, должно быть, направилась к уединенной резиденции.

Как могли белые нефритовые руки Пин Тин, игравшие на цине, ответить на боевой вызов императора Дун Линя?

Его сухопарая фигура направлялась к ослепительно белому мечу?

Мягкое тело, которого он не мог достаточно наобнимать, красивое маленькое лицо, на которое он не мог достаточно насмотреться, чистый поющий голос, которого он не мог достаточно наслушаться…

...Почему эти несчастные люди отказывались пощадить ее, тихо ее отпустив?

Она жила в уединении.

Она больше не заботилась о делах снаружи.

Ей и так хватало печали, но ей снова и снова причиняли боль. Она просто хотела заниматься тем же, чем и в старые времена, и, если бы это вышло, была бы довольной женщиной.

В качестве женщины Чу Бэй Цзе.

«Пин Тин не жадная, просто надеется, что герцог приедет, чтобы повидаться с Пин Тин, прежде чем отправиться на поле боя. В день рождения герцога Пин Тин хочет сказать герцогу что-то очень важное».

Это было очень простое желание.

Желание, которое могли бы удовлетворить даже обычные мужчины.

И все же он не был обычным мужчиной. Он был Чу Бэй Цзе, герцогом Дун Линя Чжэнь-Бэем.

Чу Бэй Цзе поднял кнут и безумно опустил его, его глаза были налиты кровью. Ветер продолжал больно резать его лицо, не давая ни капли утешения сильному раздражению в его сердце.

Грязная смесь снега и земли разлеталась по обочинам длинной дороги от середины, тянувшейся вперед, словно была бесконечной.

Возвращение домой казалось длиннее, чем когда-либо.

Чу Бэй Цзе ехал дальше, устремив взгляд к горизонту.

Была ли Пин Тин все еще в безопасности, там за облаками?

Флаг появился вдалеке, мелькнув в его поле зрения. К нему приближался отряд всадников. Чу Бэй Цзе изучил флаг, реющий на ветру, чтобы прочитать фамильный символ «Му».

Сердце Чу Бэй Цзе замерло. Он хлестнул свою лошадь, у которой уже пена шла изо рта. Он рванул к отряду и, резко осадив коня, крикнул:

– Почему Чэнь Му здесь? – Он долгое время не пил воды, поэтому его голос был очень хриплым.

Увидев Чу Бэй Цзе, тот поспешно созвал своих солдат вперед. Он спешился и поклонился:

– Герцог, Чэнь Му здесь!

– Как ты посмел покинуть казармы Дракона и Тигра, за которые отвечаешь?

Чэнь Му ответил:

– Пять дней назад я получил указ императора, что меня переводят в Ло Мэн и я должен представиться герцогу Фу-Лану, и теперь возвращаюсь в столицу, чтобы доложить императору.

– Кто сейчас управляет казармами Дракона и Тигра?

– В соответствии с указом императора управляющие права были временно переданы генералу Фэнь Миню, представляющему герцога Фу-Лана.

Генерал Фэнь Минь получал приказы от герцога Фу-Лана. Даже если Пин Тин использовала бы драгоценный меч Божественную душу, ее личности было недостаточно, чтобы мобилизовать казармы Дракона и Тигра.

Император Дун Линя принял крайние меры против своего собственного брата.

Ярость Чу Бэй Цзе охватила его сердце и разум, в его глазах помутилось от головокружения.

Пин Тин не надеялась ни на чью помощь, кроме него.

Зная интеллект Пин Тин, она наверняка запомнила обещание шестого числа и сделает все, чтобы задержать врага до его возвращения.

Жди меня, ты должна дождаться меня!

Ладони Чу Бэй Цзе были полны красных пузырей, но он совершенно не ощущал боли. Он резко вцепился в поводья и выпрямился в седле.

Чэнь Му много лет следовал за ним на поле боя. Увидев выражение его лица, он понял, что тот уже давно мчался на полной скорости. Он протянул ему флягу с водой:

– Пожалуйста, выпейте воды, герцог. Герцог спешит из-за чрезвычайной ситуации на поле боя? Ни один солдат или лошадь не могут вынести такой бешеной скачки.

Чу Бэй Цзе взял флягу и осушил ее чередой глотков, а затем оглянулся на трех тысяч солдат, которые скакали с ним две ночи и день.

Покинув столицу, они несколько раз сменили своих быстрых лошадей, двигаясь на полной скорости. Они совсем не отдыхали и были истощены. Следы поводьев остались кровавыми ранами на их руках. Несколько дюжин были совершенно не в состоянии выдержать это и попадали со своих лошадей.

Он командовал солдатами в течение нескольких лет, но никогда не проявлял к ним такого отсутствия заботы.

Выражение лица Чу Бэй Цзе помрачнело, когда он обернулся. Он спросил Чэнь Му:

– Сколько у тебя людей?

– Немного, только тысяча семьсот. Но все они моя элита.

– Отдай их мне. – Чу Бэй Цзе достал командный знак и поднял его высоко в воздухе, крикнув: – Я командую всеми войсками страны, поэтому все солдаты здесь, слушайте! Среди трех тысяч тех, кто не может вынести боли, и тех, чьи лошади не выдержат, отправятся с Чэнь Му в столицу. Одна тысяча семьсот человек Чэнь Му теперь также находятся под моим командованием, и мы немедленно отправляемся в путь. – Он спешился и вскочил на резвого коня Чэнь Му, понизив голос: – Одолжи мне свою лошадь.

– Куда спешит герцог?

– Прежде чем луна пройдет половину шестого числа, я должен вернуться в свою уединенную резиденцию.

Чэнь Му был удивлен его словами.

– Уже шестое, и осталось только несколько часов. Как вы можете успеть обратно?

Чу Бэй Цзе не ответил. Он подобрал поводья, проверил лошадь, прежде чем рвануть вперед.

Чэнь Му не знал деталей происходящего, но знал, что ситуация была чрезвычайной. Наблюдая, как спина Чу Бэй Цзе быстро исчезала вдали, он стиснул зубы и остановил своего заместителя.

– Я отправлюсь с герцогом, а ты поведешь усталых солдат обратно в столицу. Дай мне свою лошадь. – Чэнь Му сел на нее, хлестнул ее кнутом и последовал за солдатами кавалерии.

Облако желтой пыли поднялось в небо на грунтовой дороге.

Шестое.

Пин Тин, мой день рождения уже наступил.

Атмосфера резиденции была подернута туманом, мешавшим людям дышать.

Горы и леса оставались покрыты белым. Луна уже зашла, в то время как солнечные лучи вырвались из облаков, посылая сильный свет, который, казалось, не ослабил напряженности.

Снежинки снова начали дрейфовать с небес.

Бесчисленные и редкие маленькие хлопья снега кружились и беспомощно трепетали на снегу.

Легкий звук циня не рассеивался снежинками. Он вырвался за пределы стены, неприкосновенный, как радуга в пасмурный, отвратительный день.

Пин Тин коснулась циня.

Теперь, когда шестое наступило, возможно, окружающие их вооруженные солдаты подошли ближе?

Было шестое число. Его спина, похожая на гору, и сердечный смех, полный героизма, родились в этот снежный день.

Он был благословлен богами.

Боги дали ему всестороннюю жизнь. У него было сильное, здоровое тело, прямой нос, черные зрачки, полные энергии, и он обладал врожденным достоинством и уверенностью в себе.

Боги создали редкое существо, известное, как Чу Бэй Цзе, так что она ничего не могла с собой поделать, но увлеклась им и была побеждена.

Сегодня было шестое.

Пин Тин дернула струну большим пальцем.

У нее была глубокая, особая связь с цинем. Цинь был ее голосом, а она – его звуком.

Только позволив двум своим рукам мягко надавить на тонкие струны, она могла скрыть проблемы в своей голове. Она беззаботно закрыла глаза и погрузилась в свои воспоминания.

Она ясно помнила, яркие воспоминания, которые всплывали сейчас.

Биение сердца, которое она впервые почувствовала за шторами, осталось.

Казалось, она вернулась к погоне в узкой долине. Чу Бэй Цзе прижался к ней на лошади, обнял ее за талию, остановил и ждал ее ответа.

Его грудь пылала, а сердце громко подпрыгивало и гремело у ее уха.

А потом, когда он не ушел, он держал тарелку супа, неумело кормя ее. Он уговаривал ее спать, сопровождал, пока она смотрела на звезды и луну.

Соперничество, гнев и благодарность, они были сладкими и все же разбивали сердце.

Как он мог не любить ее?

Как он мог нарушить свое обещание и забыть его?

Как он мог столь безжалостно бросить ее только ради неостановимого потока героической крови требующего защитить свою страну?

Бэй Цзе, если Пин Тин действительно самый важный человек в твоем сердце, то, независимо от того, насколько велик мир, что могло остановить твой путь?

Я зарыла горшок с «Запертыми вкусностями» в ожидании твоего возвращения.

Цзуй Цзюй стояла сбоку, опустив руки, пока тихо наблюдала за спиной Пин Тин. Эта спина была очень хрупкой и слабой, но ее поза была прямой. Казалось, что стальной каркас подпирал эту тонкую плоть.

Цзуй Цзюй слушала.

Звук циня был похож на речь, будто сообщающую о каждом произошедшем событии. Даже если это не было личным опытом для других, они могли сопереживать стоящему за этим горю.

И все же в такой холодной, хаотичной ситуации тон оставался ясным.

Страна или чувства были важнее?

Что лучше защищать вселенское чувство любви или свою страну?

Не решаясь коснуться этих вопросов, в ее сердце возник страх, похожий на иглу, высоко поднятую в воздухе и пронзившую органы Цзуй Цзюй, вызвав глубокую печаль.

Люди не были неодушевленными предметами и не могли быть бессердечными.

Тонкие струны превратились в удавку, мучившую ее, пока она не покрылась холодным, похожим на кровь, потом.

Больше не в силах выдержать пронзительно резкий звук циня, Цзуй Цзюй шагнула вперед, пытаясь сдержать свои эмоции. Она прошептала:

– Мисс, вы должны остановиться. Обед был отправлен некоторое время назад.

Пин Тин прижала пальцы к циню, и звук внезапно прекратился. Она подняла голову, ее глаза сияли, когда они метнулись в сторону Цзуй Цзюй.

– Неважно, что, по крайней мере, съешьте немного. – Цзуй Цзюй отвела взгляд и помогла ей подняться.

Хун Цянь ловко расставила посуду на столе.

Пин Тин осмотрела стол, и ее взгляд застыл. Она была шокирована, когда поняла, что на стол были поставлены всевозможные блюда Гуй Лэ, разнообразные деликатесы и обычные блюда. Она села за стол, подняла палочки, чтобы взять что-то, а затем положила их обратно.

– Все это блюда Гуй Лэ, приготовленные лично Хэ Ся. – Пин Тин долго молчала, потом снова открыла рот. – Он, явно, показывает сильную уверенность.

Чувство опасности безгранично давило на ее сердце.

Хун Цянь едва могла дышать в этом тяжелом молчании, и смело предложила:

– Хотя резиденция окружена солдатами, видя последние действия маркиза Цзин-Аня, я бы сказала, что он помнит свою старую дружбу с мисс Бай. Даже если… – Цзуй Цзюй внезапно сделала ей знак закрыть рот и та, поняв, что сказала, тут же захлопнула его.

Пин Тин не винила ее. Горькая улыбка заиграла на ее губах, когда она сказала:

– А сколько стоит сердечная память о старой дружбе?

Казалось, что Хэ Ся может принять кого угодно в качестве обладателя Бай Пин Тин, кроме одного – Чу Бэй Цзе.

Чу Бэй Цзе, был единственным человеком под небесами, который мог заставить Хэ Ся ощутить страх.

Чу Бэй Цзе, был так же единственным человеком под небесами, который мог заставить Хэ Ся ощутить ревность.

Если бы мир был полем битвы, как может борьба между старыми врагами быть ограничена дымом полей сражений?

Снежинки плыли за окнами комнаты. Изредка можно было проследить по движению занавеса, как они столкнувшись с теплом комнаты, быстро таяли зимними слезами.

Солнечный диск висел прямо наверху, отбрасывая легкие тени на восток.

Половина шестого числа уже прошла.

Осталась всего половина. Осталось двенадцать часов.

Примечание переводчика:

Один из видов дудника. Экстракт корней акутилобы используется в традиционной китайской медицине и считается заменой dang gui (женского женьшеня), Angelica sinensis. В медицине корни акутилобы используются для лечения гинекологических заболеваний женской репродуктивной системы. Экстракт корня можно использовать в косметике и действовать, как увлажнитель, который может помочь предотвратить старение кожи.

Предупреждение! Кое в каких источниках пишут, что он наоборот может вызвать выкидыш. То есть, беременным его нельзя))).

http://tl.rulate.ru/book/8939/507128